

Тот, кого называли «Принимающим Имя», считался предназначенным партнером для «Носителя Имени». Но на самом деле более точным описанием было то, что Принимающий Имя служил Лекарством, снимающим проклятие Носителя.

Носители Имени рождались с талантами, превосходящими большинство людей, но за это приходилось платить свою цену. Со временем их тела медленно разрушались.

Симптомы были разными. Сначала всё начиналось с мелочей: легкой головной боли, трудностей с концентрацией, панических атак или бессонницы. Но со временем состояние ухудшалось. В тяжелых случаях Носителя Имени терзали необъяснимые болезни, пока в конце концов он не умирал.

Большинство этих симптомов проявлялись в возрасте около тридцати лет. К сожалению, не существовало лекарств для лечения столь странных состояний. Единственным способом остановить их было держать рядом того, на ком запечатлено их Имя — Принимающего Имя.

И просто находиться рядом было недостаточно. Был необходим физический контакт. От легких объятий или прикосновений до поцелуев или даже слияния тел — только тогда симптомы отступали. Вот почему Носитель Имени искал своего партнера гораздо отчаяннее, чем наоборот.

Если они хотели избавиться от страха смерти, если хотели жить без боли и вести жизнь, напоминающую человеческую, им нужно было поскорее найти своего Принимающего Имя, держать его рядом и делить с ним прикосновения. Таковы были проклятие и судьба тех, кто родился с исключительным талантом — Носителей Имени.

Но это было не единственное павшее на них проклятие. Они также не могли легко иметь детей. Особенно с обычными людьми — сколько бы партнеров у них ни было, они никогда не могли произвести на свет наследника. Если они желали иметь детей и продолжить свою Родословную, они могли сделать это только со своим Принимающим Имя.

Пол не имел значения. Это был единственный случай, когда могла наступить однополая беременность. В разнополых парах ребенка вынашивала женщина, но в однополых парах именно Принимающий Имя был тем, кто носил плод.

Единственным утешением было то, что Носитель и Принимающий часто обладали высокой совместимостью. Из-за этого их называли предназначенными партнерами. Говорили, что с самого первого момента встречи они глубоко влюбляются друг в друга, мгновенно узнавая свою половинку. Так что название «предназначенный партнер» возникло не без причины.

Когда они составляли такую идеальную пару, они могли сформировать то, что называлось «Запечатлением». Путем запечатления они привязывались друг к другу, и два их Имени появлялись бок о бок.

Чем лучше была их совместимость, тем сильнее они влияли друг на друга. Если один был болен или ранен, другой тоже в какой-то степени чувствовал боль. Не только физическую, но и эмоциональное состояние. Грусть, страдание, радость и счастье — всё это могло передаваться, пусть даже едва заметно.

Тем не менее, даже при высокой совместимости не каждая пара доходила до момента запечатления. Было бесчисленное множество случаев, когда даже поддержание хороших отношений оказывалось трудным делом. Их причины и мотивы желать друг друга слишком сильно различались.

Принимающий Имя, скованный слепыми эмоциями, которые он не мог разрешить, искал Носителя. Носитель Имени, чье тело гнило заживо, искал Принимающего, чтобы исцелиться. Такие несовпадающие желания часто приводили к конфликтам.

Привязанность, которую Носитель Имени чувствовал к своему Принимающему, была неоспоримо сильнее того, что он чувствовал к обычным людям. Но чувства Принимающего Имя к своему Носителю были еще глубже. И поэтому дисбаланс в глубине эмоций часто становился источником проблем между ними.

Некоторые Носители Имени открыто пользовались слепой преданностью своих Принимающих. Поскольку те были им нужны, они держали их рядом в качестве Лекарства, использовали их как суррогатов для вынашивания детей, и всё это время поддерживали отношения с другими. В крайних случаях они подвергали их насилию или пренебрегали ими.

И всё же, какую бы жестокость ни проявляли к ним, Принимающий Имя никогда не мог покинуть Носителя. Они были связаны эмоционально, и никто другой не мог заполнить пустоту внутри них. Поэтому они оставались подле Носителя до самой смерти.

Несмотря на это, мир не считал Принимающих Имя жалкими. Напротив, другие завидовали им за то, что они были выбраны в качестве партнера одного из Носителей Имени, просто нося на себе одно-единственное Имя.

Это происходило потому, что большинство Носителей Имени обладали богатством и властью, и ходило бесчисленное множество историй о Принимающих Имя, воплотивших в жизнь мечту о Золушке, соединенных судьбой и живущих долго и счастливо.

В любом случае, отношения и состояние Носителя Имени и Принимающего Имя невозможно было объяснить с медицинской или научной точки зрения, и лекарства не существовало. Как любили говорить сплетники, это ничем не отличалось от проклятия. В конце концов, и у Носителя Имени, и у Принимающего Имя не было другого выбора, кроме как найти друг друга и оставаться рядом.

— ...Интересно, кто же из них на самом деле более несчастен.

Вместе с этим невольным шепотом с его губ сорвалось облачко белого пара. Декабрьская ночь была настолько холодной, что дыхание замерзло в воздухе. Твидовый пиджак совсем не защищал от пробирающего до костей холода.

Он слегка ссутулил плечи. Затем, почувствовав прижатый к груди небольшой футляр, глубоко вздохнул. Почему-то сегодня ему хотелось курить сильнее, чем обычно.

— Дело Константина достаточно секретно, но то, что касается «Абсента», должно храниться в еще более строгой тайне. Я говорю это тебе только потому, что ты закрепленный за Константином куратор. Только тебе.

Мрачное предупреждение Джеффа снова всплыло в его памяти.

— Какой смысл повторять очевидное? Только воздух сотрясать.

Это был не первый его день на этой работе. В этом мире выживание означало умение держать язык за зубами. Притворись, что не слышал, не видел, не знал. Прикинься дураком — и будешь жить. Джефф знал, что он прекрасно это понимает, но то, что он повторил это, означало, что дело настолько же опасно, насколько и важно.

— Ладно, ладно. Не в тебе проблема. Считай это просто ворчанием старика, ничего больше.

Джефф слегка ухмыльнулся, передавая ему футляр. Он, в свою очередь, горько улыбнулся, принимая черный кейс с едва уловимым роскошным блеском.

Если бы Константин не указал на него лично и не потребовал, чтобы именно он доставил «Абсент», Джефф, скорее всего, никогда не поделился бы его секретом. Для этого не было причин, а каждый просочившийся секрет нес в себе смертельный риск.

Было неясно, благословение это или проклятие. Но одно было несомненно — ситуация больше не развивалась так, как он ожидал. Траектория сместилась в странную, неопределенную область. Из-за Константина, этой неожиданной переменной, всё могло измениться. И он тоже...

Чем больше он думал об этом, тем более беспокойно и страшно ему становилось. И всё же он заставил свое лицо принять безразличное выражение и крепко сжал футляр. Кончики его пальцев покалывало.

— Прости. Я не смог остановить это своими силами.

— Тебе не нужно этого говорить.

Много ли людей в мире могли бы на самом деле остановить Константина, когда он был серьезен? От этой мысли он почувствовал вину перед Джеффом.

Конечно, сам Джефф не мог предвидеть такого исхода. Кто мог представить, что Константин поведет себя так? В тот день, когда он в хаосе выскочил вон, он думал, что больше никогда его не увидит. И всё же, вот он здесь, застигнутый врасплох.

— Будь осторожен.

— Ага.

Беспокойный взгляд Джеффа действовал на нервы. Он быстро сунул футляр во внутренний карман пиджака и повернулся, чтобы уйти. Если это было нечто, что никто не мог остановить, то всё, что ему оставалось — это встретиться с этим лицом к лицу. Сухой ладонью он потер щеку. Затем, заставив себя стереть тот факт, что человеком, с которым он собирался встретиться, был Константин, он вышел из машины.

В отличие от Даниэля, который остановился в роскошном особняке в Беверли-Хиллз, Константин расположился в пентхаусе отеля. Возможно, потому, что у него не было причин надолго задерживаться в Лос-Анджелесе. Мысли кружились в голове, пока он пересекал сверкающий вестибюль.

Он едва мог вспомнить, как добрался до пентхауса. Кто-то вежливо проводил его до лифта, это он помнил, но лицо и голос того человека стерлись из памяти.

В бесшумно движущемся лифте ему оставалось только вздыхать. Поездка казалась слишком быстрой, кабина взмывала вверх без остановок. В мгновение ока звонок возвестил об их прибытии на верхний этаж.

Лифт, который вел прямо в пентхаус, плавно остановился. Выйдя, он прошел несколько шагов вглубь, пока перед ним не раскинулась просторная гостиная.

Это было простое, но элегантное пространство. Но он ничего этого не видел. Ни планировки, ни цветов, ни декора — ничто не фиксировалось в сознании. Его ладони стали влажными от нервного пота, а в горле так пересохло, что каждое сглатывание причиняло боль.

За одной из стен гостиной огромное окно открывало панораму ночного Лос-Анджелеса. Он никогда раньше не видел такого вида, но напряжение сковало его плечи так сильно, что он не мог даже повернуть головы.

— Что с тобой, ты сломался? Чего стоишь как истукан?

В этот момент, еще до того как его фигура появилась в поле зрения, низкий голос окутал всё

моё тело. Я вздрогнул, плечи свело от напряжения. Это было похоже на то, как если бы враг застал тебя врасплох прямо перед собой, когда ты совсем не готов.

Я едва заставил себя перевести взгляд в сторону голоса. Вдалеке виднелась барная стойка, уставленная различными винами и ликерами, как в каком-нибудь высококлассном винном лаундже. Константин стоял там спиной ко мне. Его взгляд скользил по бутылкам, но в итоге он лишь налил тоник в стакан со льдом.

— Хочешь выпить?

Спрашивая, он небрежно покачал стакан с тоником. Послышался звон льда о стекло. Моя и без того одеревеневшая спина напряглась еще сильнее. Такими темпами у меня начнется судорога.

— ...Нет, спасибо.

В горле пересохло настолько, что оно болело, но я не собирался просить здесь даже глотка воды. словно ожидая моего отказа, Константин лишь пожал плечами и направился к гостинной, всё еще держа стакан в руке. Я упрямо опустил голову, вперив взгляд в свои туфли, чтобы не смотреть на него.

— Садись. Долго ты еще будешь там стоять как идиот?

Он прошагал мимо меня на своих длинных ногах и опустился на диван, похлопав по месту рядом с собой. Значит, «иди садись». Поколебавшись мгновение, я неохотно сел рядом с ним — сохраняя максимально возможную дистанцию и всё еще глядя в пол.

— Выглядишь лучше, чем я думал.

— ...

— А ведь был похож на развалину, на которой живого места не осталось.

— Прости, что разочаровал. Похоже, шрамов не осталось.

Я не планировал разговаривать, но его насмешливый тон слишком раздражал, чтобы его игнорировать. Константин издал легкий смешок.

— Да брось. Я знаю, что ты зарабатываешь на жизнь своим лицом и телом. Неужели ты думаешь, я бы хотел, чтобы мой товар был испорчен?

Черт, он действительно умел извращать слова. Мне больше всего на свете хотелось что-нибудь бросить в него в ответ, но я держал глаза опущенными. Вместо этого я просто достал футляр из кармана.

Никакого зрительного контакта, никаких разговоров — просто закончить работу и уйти отсюда. Такова была моя цель на вечер. Притвориться, что ничего не видел и не слышал. У меня не было намерения спорить, как в прошлый раз.

— Не пойми меня неправильно, Санни. Когда я вижу тебя таким опрятным и смазливym, меня просто тошнит.

Я и забыл, какой он профессионал в том, чтобы доводить людей.

— Да сколько ты еще будешь вести себя как...

Я больше не мог сдерживаться и уже собирался сорваться, но в тот момент, когда я поднял голову, слова застряли у меня в горле. Впервые с тех пор, как вошел в отель, я посмотрел прямо в лицо Константину — и мои глаза расширились от шока.

Всего две недели назад, в особняке Даниэля, он был безупречен, ни единого изъяна. Но сейчас мне казалось, что я смотрю на совершенно другого человека.

Только изумрудные глаза, острые, как драгоценные камни, и его характерная кривая ухмылка остались прежними. Всё остальное было разительно, пугающе иным.

— Что с твоим лицом?

— А ты быстро замечаешь, не так ли.

Он слабо фыркнул, но я не перестал хмуриться.

Его нос, сломанный, еще не зажил, покрытый уродливыми синяками фиолетовых оттенков. Форму вправили, и отек немного спал, но красно-фиолетовые пятна выглядели гротескно. Изъян, которому не было места на таком лице, как у него.

И дело было не только в этом. Он выглядел похудевшим, щеки впали, скулы стали слишком острыми, а линия челюсти резала как лезвие. Глаза ввалились, под ними залегли темные круги. Любому было видно, что это ненормально.

Я никогда не видел Константина в таком состоянии. Еще в университете, даже когда он не спал ночами, учась и работая, выглядя бледным и измученным, он никогда не был похож на умирающего пациента.

«Пациент». Это слово заставило меня вспомнить слова Джеффа. Он говорил, что когда Носитель Имени проводит слишком много времени без своего Принимающего Имя, его симптомы ухудшаются.

Но всего две недели назад Константин выглядел совершенно здоровым, даже полным сил. Как он мог так сильно сдать за столь короткое время?

— Ну. Мое состояние внезапно ухудшилось. Подумал, может, это из-за твоего удара.

Константин ответил так, словно прочитал мои мысли, его тон был небрежным, почти шутливым.

— Обычно я быстро восстанавливаюсь после такого... но на этот раз, из-за одного паршивого удара, всё так и не зажило, стало только хуже. Бессонница была всегда, но после того дня она стала невыносимой. Не сомкнул глаз ни на минуту. А когда нет сна, пропадает и аппетит. Хм, теперь, когда я произнес это вслух, это действительно звучит так, будто со мной что-то серьезно не так.

— Ты хочешь сказать... что не спал? Целых две недели?

Я выпалил эти слова в шоке. Даже одна или две ночи без сна казались смертью. Две недели? Это было не просто нездорово, это было невозможно. Он должен был рухнуть — или хуже того. Единственной причиной, по которой он всё еще держался на ногах, могло быть то, что он — Носитель Имени.

— Ни одна таблетка снотворного не помогает. Какое-то время я даже думал, что ты меня проклял.

Несмотря на его полумертвый вид, выражение его лица было странно спокойным. Слишком спокойным. Голос звучал почти так же, как всегда, но что-то было не так. Обычно он говорил с томным высокомерием, его слова были достаточно острыми, чтобы задуть.

Теперь же... он казался отстраненным. Его расслабленное, сонное выражение лица и взгляд были вялыми, будто внутри него что-то оборвалось. Он даже вежливо объяснял свое состояние по пунктам. Вне всяких сомнений, это был не Константин Ильич Летов.

Константин, которого я знал, никогда бы не показал слабость. Он всегда улыбался как джентльмен, но это было всего лишь маской, идеально выстроенным фасадом. Он никогда не терял бдительности, никогда не обнажал своего истинного состояния, никогда не пил лишнего, никогда не прикасался к наркотикам, затуманивающим разум.

Поэтому я был уверен — он не в своем уме. Он был болен сильнее, чем я думал. И конечно, после более чем двух недель без сна, как могло быть иначе? Даже после одной бессонной ночи

кружилась голова. Как он вообще стоял на ногах спустя четырнадцать?

И всё же вид его, такого изменившегося, неузнаваемого, потряс меня. Кто мог предположить, что я увижу его таким всего через две недели? Джефф намекал, что Константин не в порядке, но я ему не поверил. Даже несколько часов назад, когда Джефф передавал мне «Абсент».

— ...Так вот зачем тебе «Абсент»?

Я подавил свои разрозненные эмоции и осторожно спросил. Он прихлебнул тоник, медленно моргая от истощения.

— Я никогда не доверял непроверенным препаратам и до сих пор не доверяю. Но сейчас у меня нет другого выбора. Это всё, что я могу попробовать.

Он продолжал пить, но это явно не помогало. Его голос становился всё медленнее, тяжелее, словно он тонул. Глядя на него, уголок моего рта дернулся.

«Ну надо же. Дожил до того, чтобы увидеть Константина в таком виде. Видимо, в том, чтобы не сдохнуть, есть свои плюсы. Какое зрелище».

Я усмехнулся про себя, но сильно прикусил губу, боясь, что насмешка вырвется наружу. Вместо этого я быстро открыл футляр в руке и достал ампулу «Абсента». Жидкость внутри мерцала изумрудно-зеленым светом сквозь стекло.

— Тогда зачем искать меня? Почему просто не забрать «Абсент»?

Я должен был спросить. В конце концов, между нами ничего не осталось. Десять лет назад мы сожгли всё дотла в тот самый момент, когда воссоединились. Зачем вообще идти за мной? Тот же вопрос преследовал меня с тех пор, как Джефф впервые сказал мне об этом.

Честно говоря, я никогда не думал, что осмелюсь спросить его напрямую. Но из-за его странного состояния я обнаружил, что спрашиваю и даже говорю больше, чем ожидал.

Это был исход, который я не принимал в расчет. Я готовился к резким словам, возможно, даже к ударам. Вместо этого — вот мы здесь.

— ...Хмм.

Константин, который некоторое время молчал, издал низкий звук горлом.

— Я ведь говорил тебе, не так ли? Я гадал, не проклял ли ты меня.

— ...Ты это серьезно?

— А почему бы и нет? С тех пор как я столкнулся с тобой, мое состояние полностью изменилось. Мне слишком страшно снова драться на кулаках. Что, если проклятие станет еще хуже?

Он пробормотал это как бы в шутку. На мгновение силы покинули меня, и я даже не смог огрызнуться на его чепуху. Чем больше я смотрел, тем больше казалось, что он не в своем уме. От этого иметь с ним дело было еще труднее. Затем Константин с лицом, ставшим еще более тяжелым от томности, уставил на меня свой взгляд.

— Так что я должен проверить. Что именно ты сделал со мной перед уходом?

Я был слишком ошарашен, чтобы ответить. Оказывается, даже такой человек, как Константин, мог порождать безумные мысли, когда был болен и измотан. Чем больше он говорил, тем сильнее у меня пульсировало в голове от пропасти между тем Константином, которого я знал, и человеком, сидящим передо мной сейчас.

— Есть корейская поговорка: «Когда летит ворона, падает груша».

— Я не знаю, что это значит.

— Это значит, что время было выбрано паршиво. Как сейчас, когда ты говоришь, что твое состояние ухудшилось сразу после встречи со мной.

— А. Любопытное выражение.

Он скривил губы в подобии улыбки.

— Что еще более любопытно, так это то, что ты вообще способен нести такую чушь. Но чтобы прояснить ситуацию, раз уж я не хочу лишних подозрений: я ничего не делал. Меня раздражала встреча с тобой, конечно, но я был наполовину под кайфом и едва держался на ногах.

Из-за того, что он развалился так расслабленно, в отличие от обычного, я осмелился бросить ему такие резкие слова. Как и ожидалось, он лишь взглянул на меня искоса и снова беззвучно рассмеялся. После этого он сухо добавил:

— Ладно.

Продолжать казалось бессмысленным. Зачем я вообще удосужился задать бесполезный вопрос, только чтобы получить такой пустой ответ? Скрежеща зубами, я винил себя за минутную

слабость.

— Я введу препарат сейчас.

Всё, чего я хотел — это поскорее закончить и уйти отсюда. Видеть Константина, который не чувствовал себя Константином, обмениваться с ним причудливыми словами — всё это было невыносимо.

— ...Делай как хочешь.

Он откинулся на спинку дивана, закрыв глаза, его плечи поникли, словно из него выкачали все силы. Он выглядел совершенно беззащитным, и это было не по себе. Смехотворно. С чего он взял, что я ничего не предприму? Даже если его охранники вели наблюдение поблизости, это всё равно было слишком неосторожно.

Было ли это высокомерием, верой в то, что он сможет одолеть меня даже в своем нынешнем состоянии? Или он просто отмахнулся от моих чувств — выгоревших от бывшей любви, превратившихся теперь лишь в пепел, смешанный с обидой и горечью?

В любом случае, это не имело значения. Рано или поздно я сделаю так, чтобы он больше никогда не смог так расслабиться передо мной. Я усмехнулся этой мысли. Конечно, с закрытыми глазами и обмякшим телом Константин ничего не заметил.

Я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и медленно наполнил шприц зеленым лекарством. Изумрудная жидкость блеснула, когда я взял его в руку и обхватил руку Константина. Только тогда он приоткрыл глаза.

— А что, если будет побочный эффект?

Внезапный, неуместный вопрос.

— Почему ты спрашиваешь меня? Я не врач. Разбираться с последствиями — твоя проблема.

— Ха. Холодно с твоей стороны.

— Холодно? Твой секретарь и телохранители, скрывающиеся здесь повсюду, справятся с этим. Оставь драматизм при себе.

Бормоча это вполголоса, я увидел, как он слегка наклонил голову, его расфокусированный взгляд скользнул по мне.

— Ты много знаешь.

— Не знаю.

Я не хотел знать и не нуждался в этом. Мое лицо ожесточилось, и губы Константина снова едва заметно изогнулись. Игнорируя его, я надавил на его руку и ввел иглу.

Слабый стон сорвался с его губ, когда изумрудное лекарство в мгновение ока хлынуло под кожу.

— Ощущения не из приятных.

— Тебе станет лучше. Всем остальным помогло.

Мой тон был клиническим, пока я быстро убирал — шприц, пустую ампулу, всё это в пакет с zip-замком и в сумку, черный футляр обратно в карман. Моя работа была сделана.

Тем временем Константин полностью сполз на диван, его глаза были закрыты так плотно, будто они больше никогда не откроются. Казалось, он провалился в забытие в тот самый момент, когда препарат попал в его организм.

Разве он не говорил, что ни одно снотворное на него не действует? И всё же «Абсент» подействовал? Неужели он действительно подавил неизлечимые симптомы Носителя Имени? Неужели он сработал? Моя голова шла кругом от вопросов.

Даниэль и другие клиенты всегда реагировали по-разному — тяжело дышали, возбуждались, бились в конвульсиях через несколько минут. Даниэль бросал в меня деньги за оральный секс или даже пытался залезть на меня, чтобы купить мое тело. В прошлый раз Константин вырубил его прямо посреди этого безумия, и тот оставался в галлюцинациях до самого моего ухода.

Но Константин не проявлял ничего из этого. Ни трепета, ни кайфа. Просто сразу в сон. Было ли это потому, что он не спал две недели? Или потому, что как у Носителя Имени его реакция отличалась от обычных людей?

У меня не было ответа. Я впервые видел, как Носитель Имени принимает «Абсент». Должно быть, поэтому вместо того, чтобы уйти, я обнаружил, что наклоняюсь ближе, затаив дыхание, чтобы проверить.

— ...

Ни звука, ни движения — жив он или мертв? Его лицо было бледнее, чем когда-либо, словно у

трупа.

Что, если «Абсент» не успокоил его симптомы, а спровоцировал нечто худшее? Если он умрет прямо здесь... я нахмурился.

Не моя проблема, и всё же беспокойство заставило меня подойти еще ближе. Я наклонил голову, приблизив ухо к его носу. Слабое дыхание коснулось меня — ровное, спокойное.

Он выглядел так, будто только что испустил дух, но он действительно спал. Облегчение вырвалось у меня прежде, чем я успел это осознать.

— Что это за чертовщина...

Внезапно накатило отвращение к самому себе. Какого черта я творю? Пройдя через столько грязи, я теперь стою здесь и беспокоюсь о Константине. Нелепо.

Как бы по-мертвецки ни выглядело его лицо, он всё равно оставался Константином Ильичом Летовым. Миллиардером, Носителем Имени, рожденным со способностями выше обычных людей. А я? Кто-то, кто изо всех сил пытается выжить каждый день. Кто я такой, чтобы беспокоиться о нем?

Глупо. Я глубоко вздохнул, качая головой. У меня нет времени на эту чепуху. Выпрямив спину, я приготовился уходить.

— ...!

Внезапная хватка сомкнулась на моем запястье, достаточно сильная, чтобы подбросить меня на месте. Я чуть не закричал, крик уже подступил к горлу. Я проглотил его только потому, что жизнь в сточной канаве научила меня подавлять реакции.

— ...И куда это ты собрался, Санни?

Даже если я и сдержал вскрик, я не мог скрыть шок на своем лице. Этот низкий голос заставил мои нервы натянуться до предела. Мои глаза расширились, губы задрожали. Его рука на моем запястье потрясла меня сильнее, чем если бы труп ожил и превратился в зомби.

— Ну? Отвечай мне.

Всё еще откинувшись на диван, он смотрел прямо на меня, его изумрудные глаза странно поблескивали. Холодок пробежал по моему позвоночнику.

Они всегда были зелеными, как драгоценные камни, но теперь цвет стал темнее, пугающим. Полумертвый Константин, бывший здесь мгновения назад, исчез. Его взгляд горел, пригвождая меня к месту, губы изогнулись в мягкой, леденящей душу улыбке, от которой по коже побежали мурашки.

Что-то было не так.

Инстинкты шептали мне об этом.

— Я... собирался уходить, раз работа закончена.

Я выдавил из себя слова, а он прищурился, ярко улыбаясь. Это было красиво, и оттого еще хуже.

— Я никогда не говорил, что ты можешь уйти. Кто тебе разрешил?

— ...

— Где мой Санни научился таким собачьим манерам? Не помню, чтобы я тебя такому учил.

Я замер, не в силах ответить. Я даже не знал, что сказать. «Абсент» изменил его — что-то было не так, совсем не так. Но я даже не мог определить, что именно.

По правде говоря, в этом не было ничего странного. Константин просто вернулся к своему истинному «я». Ненормальным было состояние до этого — бессонница, ухудшение симптомов, вот что было неестественным. Теперь же перед мной был тот Константин, которого я знал.

Я не мог не напрячься. Сухо сглотнув, он медленно приподнял верхнюю часть тела. Это единственное движение изменило сам воздух, давя на мои плечи так, словно меня могли раздавить в любой момент.

— Ты уже забыл мое предупреждение: не действовать по своему усмотрению, пока я не отдам приказ?

Его губы коснулись моего уха, шепот был влажным и тяжелым. Нахлынуло странное чувство неправильности.

— О чем ты вообще говоришь... нет, о каком времени ты говоришь?

Беспрекословно подчиняться приказам Константина — это было десять лет назад, когда я принял его предложение и жил в общежитии вместе с ним. Я повелся на обещание стипендии

независимо от оценок и жил как его комнатная собачка в роскоши. Но только тогда.

— Пёс, которого я вырастил для использования в общежитии. Как только я выпущусь и уеду, он мне, конечно, больше не понадобится, верно?

Умоляя как идиот, чтобы меня не выбрасывали, я смотрел на него снизу вверх, пока он взирал на меня с тем невинным лицом. И его слова были правдой — меня выбросили в тот же миг, как он получил диплом.

С тех пор я ни разу не сталкивался с ним случайно. Жизнь текла так, словно то время было вырезано под корень. Так почему же сейчас я должен снова становиться его верной дворнягой? Почему я должен подчиняться его командам?

— Кто ты такой, чтобы понукать мной?

Слова вырвались сами собой, резкие от раздражения.

— Ну-ну. Мой умный Санни сегодня притворяется тупым? Если не хочешь откусить себе язык, будь хорошим мальчиком и слушай, и, возможно, я тебя вознагражу.

— Вознаградишь? Да пошел ты. Я думаю, у тебя голова сломалась...

Я осекся. Именно тогда я понял, в чем заключалась «неправильность». Он был Константином, да — но в то же время и нет. Потому что... он говорил и вел себя в точности так, как десять лет назад, в общежитии.

— Ты... ты хоть помнишь, какой сейчас год? Или сколько мне лет?

Спросил я, почти не веря своим ушам. Он наклонил голову.

— Хмм. Я не знаю твой возраст, но я знаю, что ты первокурсник, поступивший в этом году.

— ...

...Всё-таки он сошел с ума.

Глубоко внутри меня поднялся вздох. Его память, похоже, отбросило на десятилетие назад. Возможно, даже со зрением что-то случилось.

Как еще мужчина двадцати девяти лет, измотанный и потрепанный жизнью, мог казаться ему девятнадцатилетним пацаном с горящими глазами? Если его память перепуталась, разве он не

должен был по крайней мере спросить, кто, черт возьми, этот человек перед ним? Он вообще видит четко?

Нет — не в этом дело. Я резко потрянул головой, отгоняя эти мысли. Я понятия не имел, что произошло.

Был ли это «Абсент», побочный эффект от того, что он сработал неправильно? Или две недели бессонных ночей сломали его разум? Какова бы ни была причина, у Константина явно были повреждения памяти. Ему место в больнице.

Вопросы копились, и я забегал глазами по сторонам. Наверняка его секретарь или охрана наблюдали откуда-то, но в отеле царила тишина. Должен ли я позвать на помощь?

— Так не пойдет. Где это твое внимание блуждает?

<http://bllate.org/book/16515/1601036>